

О ЛОКАЛИЗАЦИИ ГЕЛОНА (К ИНТЕРПРЕТАЦИИ HEROD., IV, 24; 108—109)

Н. П. Писаревский

Воронежский государственный университет

Проблема, избранная в качестве основного предмета содержания данной статьи, возникла достаточно давно и имеет огромную историографию своего изучения¹.

Анализ специальной литературы показывает на существование в ней диаметрально противоположных точек зрения в рамках огромной амплитуды разброса мнений, главным образом, между представителями классической филологии и археологии относительно местонахождения упоминаемого Геродотом деревянного города в стране будинов, о котором “отец истории” сообщает кое-какие подробности, в том числе и те, согласно которым территория будинов, с одной стороны, в “широтном” направлении располагалась сразу же за меланхленами, а с другой — в “меридиональном” — начиналась по окончании 15-дневного пути по направлению к северу от угла Меотиды через владения савроматов, причем в качестве точки отсчета им были избраны Понт Эвксинский (эмпорион Борисфенитов (возможно, ахейская гавань Плиния Старшего (Herodot., IV, 17, 101; Plin., Nat. Hist., IV, 88) и река Танаис (IV, 21; 107).

Интерпретация текста античного историка, как в контексте самой наррации его труда, так и с учетом данных археологии, имела своим следствием локализацию Гелона от Полтавы до Острогжска и от Ставрополя до Приуралья. При этом в основном археологи в памятниках раннего железного века пытались выявить поселение, соответствовавшее бы тем пространственным параметрам, которыми Гелон наделен самим Геродотом в тексте его труда. При этом они, опираясь на свидетельство “отца истории” о том, что город был окружен стеной, длина каждой стороны которой равнялась 30 стадиям, используя разные цифровые величины стадия у греков, имея в виду величину 36 км, как максимум, пытались найти ей соответствие в конкретных изучаемых ими археологических культурах, прежде всего среди укрепленных фортификационными системами городищ Восточноевропейской лесостепи². Такой подход был абсолютизи-

ван и по своему существу стал ключевым в развитии исследовательского поиска в указанном направлении. В частности, он сыграл немаловажную роль в отождествлении П. Д. Либеровым и Б. А. Шрамко Гелона Геродота с системой Волошинских городищ на Среднем Дону и Бельским городищем на Ворскле³. Замеры укреплений последнего указали на поразительное соответствие не по площади, но по длине каждого из них цифровым данным античного историка (25,995 м!)⁴.

Эйфория по поводу открытия точного соответствия свидетельству “отца истории” о Гелоне несколько спала после систематических раскопок данного памятника, тем не менее, в трактовке их автора взгляд, согласно которому Бельское городище и есть Гелон “отца истории”, приобрел стабильную устойчивость⁵.

Впрочем, как сразу же после заявки на открытие, так и по прошествии довольно значительного времени оппонентами Б. А. Шрамко, в особенности, специалистами по археологии Среднего Дона скифского времени, были высказаны не менее фундированные контраргументы в пользу локализации Гелона в бассейне этой реки⁶. В частности, они указывали на некорректность использования цифровых данных “отца истории” в качестве истины в последней инстанции, поскольку в качестве диагностического признака они, как показали исследования текста геродотовой истории отечественными и зарубежными специалистами, никак не могут быть использованы⁷. В полемике использовались и наблюдения, связанные как с геометрической конфигурацией Бельского городища, так и с принадлежностью материальной культуры его обитателей носителям правобережно-днепровской культурной традиции и т.д.⁸

Несмотря на спорность предложенной украинским археологом локализации деревянного города в стране будинов в бассейне Северского Донца, его открытие имело положительное значение в том плане, что оно аргументированно отклонило не находящие подтверждения данные и обоснованно сфокусировало внимание серьезных исследователей на междуречье Северского Донца и Среднего

Дона (именно этот регион скифского времени с этих пор стал предметом дискуссий относительно трактовки свидетельства Геродота материалами раскопок сосредоточенных в нем городищ) как самом вероятном направлении исследовательского поиска⁹.

С подачи Б. А. Рыбакова поиск нового подхода определился в уже тогда устаревшей дискуссии относительно локализации русла течения р. Дон, за который некоторые археологи стали принимать впадающий в него приток — р. Северский Донец, памятники которого, соответственно, отождествлялись с будинами и гелонами Геродота¹⁰. Исследованиями в области исторической географии и гидронимии Восточной Европы, а также результатами трактовки историко-географических взглядов Геродота вообще и его представлений о Европе в частности и такая постановка вопроса стала достоянием историографии¹¹.

Как результат — определенный тупик, в котором оказались историко-археологические разработки, искавшие точку нахождения Гелона и через поиск ему археологического эквивалента, и через попытки добиться той же самой цели на основании анализа топонимии (в указанном отношении весьма показательна мысль, высказанная наблюдательным Б. А. Рыбаковым, относительно возможности отождествления Геродотова Гелона с Бельским городищем, поскольку по соседству с с. Бельск находится деревня Глинка, опорные согласные названия которой, по его мнению, тождественны названию города скифского времени), и через критическое отношение к цифровым выкладкам, присутствующим в труде античного историка. И все это — на фоне “информационного взрыва”, вызванного введением в научный оборот новейших данных раскопок поселений, святилищ и курганов Лесостепи, равно как и результатов их исторического осмысления¹².

В итоге относительно локализации Гелона Геродота к настоящему времени сложилась парадоксальная ситуация, характерной чертой которой выступает, с одной стороны, как никогда ранее хорошая изученность поселений и курганных могильников в междуречье Северского Донца и Дона, а с другой — просматриваемое в памятниках материальной культуры у носителей скифоидных культур указанного региона несоответствие свидетельствам “отца истории” о цивилизованном образе жизни и быте населения деревянного города Гелона в их стране (hora)¹³.

Казалось бы, состояние современных знаний таково, что не имеется не только каких-либо осно-

ваний для нового обращения к разрешению проблемы, но и сама такая попытка будет выглядеть бесперспективной, поскольку археология до сих пор так и не выявила соответствующих и удовлетворяющих всей сумме характеристик античного историка относительно Гелона археологических комплексов в лесостепи Восточной Европы вообще, в междуречье Северского Донца и Дона (исключение — спорное Бельское городище) в частности.

Однако, на наш взгляд, ситуация в названном отношении не является абсолютно безнадежной. И убежденность в этом придают, как нам представляется, допущенные в процессе исследования проблемы мелкие, но существенного порядка по своему значению, методические недоработки, связанные, как это ни странно, с отношением исследователей к оценке информативности Скифского логоса вообще, свидетельствам о речных и сухопутных путях Скифии в частности, информации Геродота о племенах по-за Танаисом вверх по течению этой реки от угла Меотийского озера в особенности.

Наиболее ярким примером в указанном отношении следует назвать оценку специалистами точности и надежности цифровых данных “отца истории”. Считается, что цифровые величины устных источников античного историка восходят либо к фольклору и эпосу, в которых каждая величина больше 10 означает просто “много”, либо в том, что касается источников письменных или личных наблюдений, отражают практику их употребления в годы жизни самого составителя Скифского логоса¹⁴. Вместе с тем относительно продолжительности преодоления расстояний исследователи, имея в виду прежде всего измерения, представленные в днях сухопутного пути и плаваний, находят возможным выводить их из навигационной и деловой практики, в которых моряки и купцы, осуществлявшие морскую, речную и сухопутную торговлю, опирались на достаточно точные, проверенные на практике измерения¹⁵.

В качестве примера можно сослаться на определение Геродотом размеров территории скифов-земледельцев (gauvarga по В. И. Абаеву), дважды присутствующей в тексте его труда. В первом случае протяженность их земель он определяет в 11-днев плавания (IV, 18), а во втором — 10 (IV, 53). В историографии такое разночтение “отца истории” было воспринято как доказательство ложности и приблизительности его знаний или, как полагал В. Али, его представлений о действитель-

ной протяженности путей в скифском хинтерланде¹⁶. Более того, проводилась мысль, согласно которой историк вообще не утруждал себя согласованием приводимых им исчислений¹⁷. Находили даже объяснения этому: по мнению М. В. Скржинской, в случае с землями скифов-земледельцев Геродот пользовался информацией из разных источников¹⁸. В то же время, правильно определяя, что наблюдения античного историка опираются на данные о протяженности плавания по Борисфену, никто из обращавшихся к указанному вопросу так и не обратил внимания на то обстоятельство, что плавание вверх по реке (против течения) занимает, как правило, больше времени, чем в обратном направлении вниз по ее течению, поскольку в первом случае скорость течения реки вычитается из скорости движения судна, замедляя его движение, а во втором все происходит равным образом наоборот¹⁹. Следовательно, никаких расхождений, тем более противоречий, в свидетельстве нашего единственного информатора относительно плавания по Борисфену нет. Но дело даже не в этом. Сообщая о том, что в измерениях расстояний в Скифии дневной переход он принимает за 200 стадий (IV, 101), античный историк, как нам представляется, в данном случае согласует свое утверждение с мнением, высказанным им несколько раньше — в самом начале Скифского логоса, где в главе IV, 16 он весьма однозначно и четко обозначил свою позицию в словах “будем пользоваться тем, что принято” (*toisi gar memikzomenoisi auton hresometha* (IV, 45)). Более того, прочтение текста “Истории” показывает, что в тех местах, где “отец истории” имеет в виду преодоление расстояний пешком, он всегда, как, например, в случае с указанием на расстояние от Меотиды до реки Фасис и страны колхов (30 дней) и оттуда до Мидии (столько же), поясняет происхождение используемых им величин (I, 104). Такое понимание текста, принимая во внимание рассуждение историка, согласно которому он изложит все, что узнал (IV, 16), как мы постараемся показать выше, открывает новые информационные возможности именно в плане локализации Гелона.

Однако прежде чем обратиться к решению этой задачи, отметив, что относительно будинов, гелонов и г. Гелона информация в плане интересующего нас аспекта в “Истории” Геродота присутствует в трех разнотипных блоках изложения, и принимая во внимание последовательность и динамику нарастания ее самой в плане интересующего нас аспекта, представляется необходимым прежде

всего собрать воедино все те немногочисленные суждения, оценки и свидетельства “отца истории”, которые относительно гелонов, будинов и Гелона присутствуют в тексте его труда.

Впервые земля будинов (точнее, надел (*lakzis*) упоминается историком уже в самом начале IV книги, посвященной описанию расселения племен Скифского царства и содержащей характеристики областей их обитания, включая физико-географические условия и ландшафтные особенности местностей. По данным Геродота, хора будинов представляет собой равнину, обладающую плодородными почвами и покрытую смешанными лесами (IV, 21). Объектом внимания “отца истории” во второй раз становится уже население, занимающее эту территорию за Танаисом, в связи с изложением им обстоятельств подготовки скифов к войне с Дарием I, войска которого, переправившись через Истр, осуществили широкомасштабное вторжение на территорию их царства. В перечислении участников совещания, созванного представителями соседних со скифами племен по поводу прибытия послов скифского царя с предложением о союзе и совместном отпоре агрессии персов, Геродот называет в одном ряду царей тавров, агафирсов, невров, андрофагов, гелонов, будинов и савроматов (IV, 102). Понимая необходимость доведения до сведения своих слушателей хотя бы минимума этнографической информации о представляемых ими племенах, афинский историк приводит информацию об образе жизни, нравах, религиозных представлениях и одежде последних, уделяя больше внимания таврам и неврам в связи с рассказом о последних, из которого он отмечает два, представляющих интерес с точки зрения избранной нами темы, обстоятельства:

1) он фиксирует обряд ликантропии, распространенный у невров, и обстоятельства, принудившие их к переселению к будинам за одно поколение (т.е. за 30 лет) до вторжения войск Дария I в Скифию (IV, 105);

2) в связи с изложением свидетельств о неврах “отец истории” упоминает “скифов и живущих среди них эллинов” — утверждение, которое ни с чем другим не согласуется, кроме как с предшествующим рассказом о каллипидах и последующим рассказом о соседях невров на юго-востоке (Там же).

Третий случай — самый примечательный — тот, в котором обращение Геродота к гелонам и будинам занимает центральное место в понимании представляемых им данных относительно мест

расселения, хозяйства, социально-политической организации и быта, первых из которых в предшествующем своем изложении он никак не определил с точки зрения их этнической принадлежности, а вторых постоянно называл племенем. В переводе Г. А. Стратановского он представлен следующим образом: “Herodot., 108. Будины — большое и многочисленное племя; у всех них светло-голубые глаза и рыжие волосы. В их земле находится деревянный город под названием Гелон. Каждая сторона городской стены длиной в 30 стадиев. Городская стена вся высокая и вся деревянная. Из дерева также построены и дома и святилища. Ибо там есть святилища эллинских богов со статуями, алтарями и храмовыми зданиями из дерева, сооруженными по эллинскому образцу. Каждые три года будины справляют празднество в честь Диониса и приходят в вакхическое исступление. Жители Гелона издревле были эллинами. После изгнания из торговых поселений они осели среди будинов. Говорят они частью на скифском языке, а частично на эллинском. Однако у будинов другой язык, чем у гелонов, образ жизни их также иной. Herodot., 109. Будины — коренные жители страны — кочевники. Это — единственная народность в этой стране, которая питается сосновыми шишками. Гелоны же, напротив, занимаются земледелием, садоводством и едят хлеб. По внешнему виду и цвету кожи они вовсе не похожи на будинов. Впрочем, — замечает историк, — эллины и будинов зовут гелонами, хотя и неправильно...”. И далее “отец истории” возвращается к известным уже по предшествовавшим его замечаниям характеристикам местности проживания будинов, дополняя их экзотическим рассказом об охоте будинов на выдру, бобров и других зверей, из яиц которых получают лекарство от страшной женской болезни (Там же).

Четвертый раз в поле зрения изложения Геродота гелоны и будины попадают в рассказе о результатах совещания скифских послов с царями соседних с ними племен, по окончании которого, как давно известно, была создана Вторая скифская армия, состоявшая из войск двух скифских царств (Великого — Идантирса и малого — Таксакиса) и присоединившихся к ним гелонов и будинов (IV, 119—120).

В пятый раз будины и гелоны появляются в тексте Скифского логоса в самом загадочном относительно Гелона месте повествования Геродота — в связи с рассказом об отступлении Второй скифской армии через земли будинов и оставлении последними родных очагов под натиском персов,

обнаруживших здесь деревянные стены (kzyline teihi) после того, как армия Дария I дошла до разделявшей будинов с фиссагетами пустыни и занялась постройкой 8 больших укреплений на хоре будинов (или на ее границе с пустыней до фиссагетов) (IV, 123—124).

Наконец, в шестой (и в последний) раз гелоны и будины упоминаются Геродотом как участники преследования отступающих войск Дария I до Истра. Примечательной особенностью данного отрывка выступает иная последовательность перечисления двух соседей: на первом месте на этот раз стоят будины и только после них гелоны, тогда как во всех остальных случаях, описанных выше, в рассказе Геродота гелоны в порядке перечисления (такой же порядок засвидетельствован и Плинием Старшим (Plin., IV, 88) всегда предшествовали будинам.

Анализ приведенных сообщений “отца истории” показывает, что относительно гелонов, будинов и Гелона он в соответствии с интересами своих слушателей останавливает их внимание на самых существенных с его точки зрения моментах:

1) характеристике страны и места жительства, причем в географическом, экономическом и социологическом смыслах (это проистекает из противопоставления понятий “земля—страна—хозяйственно освоенная территория” (gae—oikesis/oikos—hora);

2) не называя гелонов этносом, на перечислении особенностей духовной культуры жителей Гелона и их происхождении как *to arhaion Hellenon*, а также на описании атрибутов повседневного быта в виде эллинской по образцу светской и храмовой архитектуры;

3) на знакомстве с самыми существенными чертами социально-политической организации, что у историка выражено в упоминании царей гелонов (*basileioi*), и наличии на далекой периферии управляемой ими общины-государства (*polis*), имеющей возможность выставить войско в союзную армию для отражения 800-тысячного войска вторгшихся персов.

Сопоставление указанных наблюдений, выведенных из текста источника, создает предпосылки для понимания того, что же в действительности афинский историк имел в виду относительно места расположения Гелона в стране будинов. Они показывают на совокупность критериев, которые им были положены в основу своего о нем рассказа:

1) критерий географический присутствует в сообщении о нахождении “надела/участка (*lakzis*) земель будинов выше (*to pros Boreen* и *guregoikeousi*) надела/участка (*lakzis*) савроматов, расположенного на расстоянии 15-дневного пути от угла Меотийского озера в первом случае и от моря внутрь страны (*katyperte Skytheon oikemenous*) после племени меланхленов, до которых расстояние составляет 20 дней пути, во втором; сюда же присоединяется свидетельство историка о равнинном типе ландшафта (*gae nemotene*), наличии смешанных лесов и большого озера, включая заметки об их флоре и фауне;

2) критерий социокультурный, данный в определении жителей города как “исконных эллинов” с прибавлением информации о переселении последних в землю будинов из понтийских эмпориев;

3) критерий культурологический, связанный с упоминаниями о празднествах Диониса, совершаемых в Гелоне будинами 1 раз в 3 года;

4) критерий социально-политический, просматриваемый за указаниями после публикации труда Т. В. Блаватской, представляется возможным отнести к типу *басилей*²⁰.

Дополнительные возможности в указанном отношении проистекают из знакомства с оригиналом теста сообщений Геродота о Гелоне, в котором специалистами, в частности Л. А. Гиндиным, достаточно давно было обращено внимание на использование Геродотом двух, этимологически совершенно различных глаголов, имеющих значение “жить, обитать” (*oikeo*, *nemotai*)²¹. Более того, ему удалось выявить строгое распределение в отношении степени отраженности в значении каждого из них образа объективной реальности. По наблюдениям лингвиста, оно выразилось в том, что, если *oikeo*, являясь деноминативом от *Foikos* (“жилище, дом”), специализировав свою семантику по сравнению с индоевропейским термином социальной организации **ueik'*, означало “жить домом, ведя совершенно оседло ойкосное хозяйство, организованное в рамках *урбанистической* цивилизации со свойственными ей интенсивными формами обработки земли”, то *nemotai*, представляя собой тот же деноминатив, но от и.-е. **nem-*, также продуцируя важнейшую терминологическую сферу социальной жизни индоевропейцев, отражало собой самое архаическое значение слова (гот. *Ni-man* — “брат, получать законно”; лат. *Numtrus* — “число”. Другими словами, и.-е. **nem-*, по мысли исследователя, переводимое как “считать”, проявило себя и в других значениях: “распределять, раз-

давать пищу, питье, землю (под пашню и выпасы)” Последнее, как полагает Л. А. Гиндин, в *med.* выражается в значениях “пожинать плоды, кормиться, питаться”; “жить, обитать, простираться, занимать территорию”. А с именами собственными, этнонимами и топонимами слова с указанной корневой основой, по его мнению, могут означать “существовать вообще, пасти скот, заниматься скотоводством, что в *med.* проявляет себя, в особенности относительно характеристик скотоводов, пастухов и кочевников — *nomas*, в значениях “кормиться, пастись, питаться, бродить, скитаться, жить”²². В связи с этим Л. А. Гиндин формулирует вывод, согласно которому по отношению к негреческим племенам *nemotai* в *med.-pass.* выступает в значении “жить, обитать, добывая средства к существованию иными, чем привычные грекам, формами ведения хозяйства, “менее интенсивными, вплоть до натурального” (к ним он относит переложное или подсечное земледелие, кочевое или отгонное скотоводство — *Н.П.*)²³. Последнее, с точки зрения лингвиста, предполагает, на взгляд греков, и недостаточно оседлый образ жизни, сопровождающийся различной частоты переменами конкретного местожительства, “почему и понятие “пастись” одинаково было применимо и к животным, и к людям”²⁴.

В полном соответствии с данными наблюдениями Л. А. Гиндин дает уточненные трактовки должному с его точки зрения переводу свидетельствам Геродота о будинах, гелонах и г. Гелон. Они таковы:

1) “гелоны же и землю обрабатывают, питаются хлебом и имея сады (здесь употреблено противопоставление *oikesan* — *sitofagoi* (IV, 108); 2) “*Gelonos* — огромный деревянный город”; 3) “гелоны живут совершенно оседло, отличаясь от Будинов по языку и образу жизни”; 4) “будины обитают в густом лесу, имея другой надел (полученный по жребию, поскольку *lakzis* исследователь производит из *laghano* с этимологическим значением *nemo* — *Н.П.*); 5) “будины *autohtones nomades*, питающиеся сосновыми шишками”, что, по мысли лингвиста, только подтверждает расширенное понимание термина *nomades* Геродотом (по его мнению, это не только скотоводы, но и племена, находящиеся на стадии присваивающей экономики — *Н.П.*)²⁵.

Рассмотрение используемой “отцом истории” терминологии указывает (хотя и не убеждает окончательно) на примерное соответствие его представлений о будинах и г. Гелон тому, к чему пришла, как отмечалось выше, современная археология. В

частности, это касается констатации факта наличия на далекой периферии античной ойкумены урбанистической цивилизации, относительно которой, как, например, в случае с Бельским и другими городищами, применительно к урбанистическим памятникам эпохи бронзы и скифоидному населению Восточноевропейской лесостепи определенные факты есть²⁶.

Понимание того, что представляет собой Гелон как урбанистический центр, невозможно без осмысления тех представлений, которые имелись у древних греков, в частности афинян, в V—IV вв. до н.э. и нашли отражение в их письменной традиции. К счастью, такого рода свидетельства обнаруживаются не у кого-либо, а именно у Аристотеля в его труде “Политика”, по причине чего они представляют не столько познавательный интерес, сколько приобретают качества весьма существенного аргумента в плане суждений относительно Гелона Геродота. В указанном отношении в первую очередь должна быть принята во внимание присутствующая в нем мысль, согласно которой *всякий город* (Аристотель в данном случае имеет в виду именно город, а не государство-полис, как во всех остальных случаях: античный автор сопоставляет данный тип общежития с Вавилоном — *Н.П.*) представляет собой скорее *племенной округ, нежели государственную общину* (Arist., Pol., III, 1, 3, 28—30 (1276a)).

Заключение античного ученого, как показывает знакомство с разработками этнографов и опирающихся на их результаты археологов, вполне вписывается в представления современной науки о социально-политической организации восточноевропейских племен степи и лесостепи в эпоху бронзы и ее типе, который все чаще и чаще отождествляется в ней с т.н. квазигородом или протополисом. Согласно Ю.В. Андрееву к нему имеют непосредственное отношение поселения Эгеиды и Балканской Греции III тыс. до н.э. (Ситагри, Мальти—Дорион, Криса, Евтресис), открывающие своей архитектурой и материальной культурой черты родо-племенного поселка, предшествовавшего классической микенской цитадели²⁷. Отмечает ученый и то обстоятельство, согласно которому такой тип поселков не только предшествовал, но и сосуществовал много позднее с Микенами, Тиринфом и Пилосом в последней трети следующего тысячелетия²⁸.

В данной связи нельзя не обратить внимание, что в указанном отношении не менее типичны, в особенности в плане характеристики “урбанизма”

на Среднем и Нижнем Дону, система Волошинских городищ, Ливенцовское и Каратаевское городища-крепости, признаки которых (в том числе архитектурно-планировочное решение и конструкционные приемы) находят, в частности, довольно близкую аналогию в поселениях с оборонительными сооружениями в Беотии (Гла) и в Эпире (Зеленица). По мнению зарубежных археологов, цитадель Гла являлась и административно-политическим, и хозяйственным центром своей округи²⁹.

Конечно, памятники эпохи бронзы проецировать на последующую историческую эпоху и на этом основании строить какие-либо выводы методически неверно, если бы не одно примечательное обстоятельство: согласно свидетельству Геродота, скифы уводили свою историю, по всей видимости, от V в. до н.э. в прошлое на 1000 лет (Herodot., IV, 5). Самое же интересное заключается в том, что памятники такого типа, напоминая спартанскую модель полиса, олицетворяются и системой рассеянных, группирующихся вокруг центрального убежища поселков, аналог которым можно обнаружить и в системе поселений, открытых в том числе и в самое последнее время на Среднем Дону³⁰.

Показательно, что такая система косвенно подтверждена Геродотом. В качестве определенного отражения картины сложившейся жизни и особенностей, присущих поселениям скифского времени в бассейне Среднего Дона, является присутствующее в тексте его труда описание обстоятельств пребывания в земле будинов войск Дария I, где персами была подвергнута сожжению безымянная деревянная крепость (*kzyline teihi* (IV, 123)). Если допустить, что за данным определением скрывается Гелон, о котором у “отца истории” речь шла выше, то не лишенным оснований станет и другое предположение — мысль о тождестве деревянного города в стране Будинов топо-и архитектурным характеристикам цитаделей степи и лесостепи Евразии, существовавших здесь, начиная с XIX в. до н.э., и яркими проявлениями которых являлись сходные по своему архитектурному решению Микены и Аркаим.

С учетом археологических реалий Гелон Геродота, если понимать под термином *polis* не только город, но и общину, т.е. рассматривать его как социально-политическое образование с царями, войском и народом, то и еще соответствует такому разряду протополисов, который также зафиксирован благодаря Аристотелю. В его оценке, он представлял собой союз родов и фратрий, которые объединялись друг с другом в границах занимае-

мого ими племенного округа *родством, жертвоприношениями, развлечениями и дружбой как условием совместной жизни* (Arist., Pol., V, 14, 42 (1281a)). Весьма примечательна акцентация Стагиритом на специфике такой организации: в ее основе, по его данным, лежит господство в отношениях между людьми, сложившихся между ними эпигамий, союзов родов и фратрий, тесных взаимоотношений родов и селений (Arist., Pol., V, 1, 12; 35 (1280b); V, 1, 14 (1281a)).

Рассмотренная информация указывает на определенное сходство той социально-политической организации общества, которая имела место в степи и лесостепи Евразии на рубеже III—II тыс. до н.э. и которая, представляя собой сложное переплетение кровнородственных и территориальных связей, сложилась в Эгеиде и на Балканах (Фессалия, Беотия, Эпир) после прихода туда эллинских племен со своей прародины, два из вероятных ее местоположений исследователи связывают с Восточной Европой и Южным Уралом³¹.

В последнем отношении, как нам представляется, весьма информативным выступает свидетельство Диодора, указавшего на то, что "... Гипербореи, говорят, имеют свой собственный язык и он очень близок к эллинскому, и особенно языкам афинян и делосцев, с древнейших времен сохраняя это положение" (Diod., II, 47). В данном случае неважно, кого имел наш автор в виду, поскольку к настоящему времени, с учетом изменений во взглядах населения Греции на гипербореев во II—I тыс. до н.э., достаточно хорошо доказано возведение эллинами к ним своего этногенеза³².

В данной статье мы не будем обращаться к решению проблем "исконности эллинов" Гелона Геродота и останавливаться на тех познавательных возможностях, которые предоставляет рассмотрение вопроса о "празднестве в честь Диониса" в нем (эти вопросы рассмотрены нами специально в других работах)³³, однако заметим, что перечисленные аспекты указывают на возможность интерпретации фразы Геродота в рассказе о неврах ("скифы и живущие среди них эллины") не только в плане учета результатов проникновения эллинских купцов в Лесостепь, но и с точки зрения сохранения в ней мест обитания потомков праэллинизма времени разделения племен индоевропейской общности на сатемные и кентумные языки, а также ветвей, разбросанных волею истории, в частности, на Балканы и в Северо-Западную Индию³⁴.

Иными словами, возникает вопрос: был ли Гелон греческим эмпорием на схождение сухопут-

ного и речного пути на Южный Урал или Алтай или же он являлся местом проживания потомков "исконных эллинов", осевших в данном регионе и проживавших среди местных племен начиная со II тыс. до н.э. и вплоть до времени жизни "отца истории", которых он, находясь в тупике в поисках объяснения выявленного им феномена, связал происхождением с понтийскими эмпориями?

Ответ на него заложен, как нам представляется, в выяснении этимологии названия самого города с учетом имени его эпонима Гелона, сына Геракла, и установлении сходства определений древнейшего города эллинов на Балканах и населения Гелона посредством выражения *to arhaion*.

К настоящему времени сложилось два устойчивых убеждения, согласно которым корневые основы слов *Hellenes* и *Gelonoí* совершенно различны, во-первых, и что этноним *Boudinoí* и название города в их стране — *Gelonos*, в своем происхождении, представляя собой результат словотворчества, носят искусственный характер, во-вторых. Во всяком случае, в пользу первого указывают этимологические словари³⁵, а в отношении второго свое соображение высказал Б.Н. Граков, занимавшийся в том числе и локализацией племен скифской лесостепи. Последний, опираясь на данные, присутствующие в "Этнике" Стефана Византийского (*Steph. Byz. Ethn.*, s.v. *Boudinoí*), пришел к заключению, что чуждый греческому языку этноним будины явился производным от сложения двух слов: *bous* — "бык" и *díneo* — "кочевать, кружиться" на телегах³⁶.

Впрочем, в специальной литературе можно встретить и попытки выведения *Hellenes* из *Gelonoí* и наоборот. Опираясь, по всей видимости, на свидетельства Птолемея и Плиния Старшего, согласно которым в верховьях Дона обитали сарматы-аланы, их инициаторы настойчиво проводят мысль, согласно которой триада этнонимов *Aríain—Alanos—Hellenes* является в лингвистическом отношении однопорядковой³⁷. Основными аргументами при этом являются следующие:

1) из всей группы языков *centum* — "только греческий, то есть язык эллинов имеет особую близость к языкам группы *satem*; язык аланов — сатемный — индоиранский (курдский) — является генетически родственным языку греков-эллинов;

2) до своего исторического вторжения в материковую Грецию в XVIII в. до н.э. эти эллины-аланы обитали в степях Северного Причерноморья;

3) само название дорийских (!?) кочевников *Hellenes* вполне согласуется с ведийским индоиранским "Алан—Арийан"³⁸.

В силу данного обстоятельства башкирский ученый полагает, что указания грека Геродота на то, что эллины — жители города Гелона — осели среди будинов, является как раз и подтверждением их близости последним и индо-арийского родства тех и других с кочевыми иранскими племенами³⁹.

Определенный, хотя и косвенного порядка, аналог такой точки зрения можно обнаружить в свидетельствах эллинистического автора из Гераклеи Понтийской, который, как и все его современники-филологи и мифографы, выискивал в мифологической традиции греков древнейшие сказания, чтобы познакомить с ними своего читателя. Естественно, что многое из того, что становилось предметом знания таких писателей, по причине прошествия значительного времени упрощалось и приводилось в соответствие с господствующими в III—I вв. до н.э. представлениями. Геродор Гераклейский в указанном отношении исключением не был, тем не менее, его сообщение, согласно которому стрельбе из скифского лука Геракла обучил скиф Тевтар (Teutaros), представляется весьма примечательным, особенно в свете сообщения Геродота о происхождении Геракла—Таргитая скифов и о том, что он был первожителем необитаемой тогда (т.е., по-видимому, в XVIII—XVI вв. до н.э., как свидетельствует т.н. Паросская надпись) страны (Herodot., IV, 5)⁴⁰.

Казалось бы, на этом решение вопроса и находит свое завершение. Однако в науке нет-нет, да и появлялись время от времени оценки, ставящие под сомнение кажущиеся незыблемыми решения. В частности, В. И. Абаевым было обращено внимание на присутствие в финно-угорских языках заимствованных из древнегреческого слов *gaele — “куница, бобер, выдра” и *lake — “яма”, первое из которых претендует быть основой обозначений Гелона и гелонов, поскольку второе (и это нетрудно заметить) воплотилось в этнониме lakedemoi, которым в античной традиции называли эллинов-дорийцев, осевших в долине Еврота, известных также как спартанцы⁴¹. Однако указанные трактовки, например, гелонов и Гелона, встречают противоречие в свидетельствах Геродота: ловлей на выдру у него занимаются не гелоны и не жители города Гелон, а будины (IV, 109).

В связи этим, равно как и с тем, что рассказ о Гелоне принадлежит историку, жившему в Афинах, еще больший интерес в указанном отношении представляют данные об одноименном этнониме города Гелона и аналогах этому персонажу в греческой мифологии⁴².

Напомним, что в пересказе двух версий этногонической легенды происхождения племен скифов (скифской и эллинской) Геродот происхождение родоначальников каждого из них связывает с божеством, которое в греческом варианте мифа названо Гераклом, тогда как в скифском — Таргитаем. Соответственно той же логике, одним из сыновей последнего называется Арпоксай в скифском варианте легенды и Гелон в эллинском (IV, 5). По-видимому, сходство основного сюжета той и другой версии следует рассматривать в качестве признака, указывающего на общие (т.е. индоевропейские) их корни, поскольку и в первом, и во втором случае Гелон (Арпоксай) назван сыном Геракла (Таргитая). Последнее позволяет рассмотреть в сопоставительном порядке мифологические представления о происхождении первопредка древних греков—Эллина и эпонима города (и первопредка его населения) Гелона в стране Будинов, принимая во внимание то, что Арпоксай—Геракл, как засвидетельствовано Геродотом, считался родоначальником каттаров и траспиев, т.е. двуэтничного социума, имевшего какое-то отношение к дихотомии будинов и гелонов на этнической карте Геродота.

Относительно происхождения Эллина в античной традиции сложились устойчивые представления, согласно которым “отец всех греков” был сыном Девкалиона и Пирры, имя которого, по оценкам современных специалистов, представляет собой форму мужского рода от имени богини луны Helle. (Apollod., I, 7, 2; Paus., X, 38, 1; Euphst., Comment. Ad Hom., 1815)⁴³. Согласно той же традиции первое племя, которое называло себя эллинами, пришло из Фессалии и поселилось в южной части Додоны (Эпир), став называться ахейцами (одной из причин переселения последних называют залившие их пастбища в прежних местах расселения дожди (Herodot., I, 5, 6; Paus., VII, 1, 2). Считается, что датой этого переселения на основании данных Паросской надписи следует считать 1521 г. до н.э. (что касается самой Фессалии, то в ней, согласно тому же источнику, эллины утвердились в 1550 г. до н.э. (Tatian., Ad Hell., I)⁴⁴. Интерес представляет и то, что, с одной стороны, среди детей Пелопа, носившего прозвище “укротителя коней” (Hom., II, II, 104; Pind., Pith. Od., 23), которые почитались в качестве предков ахейцев, традиция называет Гелина (Gelinos), фонетически родственного Гелону (Gelonos (Apollod., II, 5, 1; III, 12, 6; Apollod., Epit. I, 1; II, 10; Schol. Ad. Thuc., I, 9; Tzet., Hiliad., II, 172.)), а дорийцев, связывая с младшим сыном Эллина Дором, рассматривает в качестве

основателя первой дорийской общины в Греции (Herodot., I, 56; Apollod., I, 7, 3; Paus., VII, 1, 2).

Не менее интересны и коллизии, имеющие отношение к самому Гераклу. Во-первых, он — сын Зевса и Алкмены, жены царя Амфитриона (дядей последнего был Geleos), которого первоначально называли Алкидом или Полемоном (Apollod., II, 4, 7—8; Gigin., 29.), а во-вторых — Геракл (или “прославленный Герой”) рассматривался в качестве фракийского по происхождению бога, однотипного и равного Аресу, которому, как божеству подземного мира, были посвящены “белые тополя” (осины) (Hom., II., XIX, 95—105; Diod., IV, 10; Apollod., III, 14, 2; II, 4, 5; Paus., I, 21, 7; Plaut., Amphitr., 1096.).

Геракл — многодетное божество. В качестве мужского потомства от него и Деяниры в мифологической традиции называются Гилл (Gillos) и Глен (Glenos), первый из которых наследовал статус вождя Гераклидов после вознесения отца на Олимп и принял непосредственное участие в убийстве царя Эврисфея в бою на колесницах (Apollod., II, 7, 7—8; 8, 1—2). Впрочем, она называла и другие родословные Гилла и Глена. Согласно одной из версий, первый приходился сыном лидийской царевны Омфалы, согласно другой — был сыном речной нимфы Мелиссы. Такие же разночтения относились и к Глену. Важно другое: во всех случаях в характеристике их отца Геракла в общественном сознании древних греков оставались тождественными две детали: 1) Геракл был обладателем двух луков и чаши; 2) Гераклу была присуща “практика” их дарения (Herodot., IV, 5; Diod., IV, 23—25). Вообще, обращает внимание, что в греческой архаической традиции этот бог и герой одновременно наделялся самыми архаическими чертами и атрибутами. Он — обладатель скифского лука, владелец свиной шкуры, спасающей его от холода. И такое перечисление можно продолжить. Необходимо заметить, что все это указывает на присутствие в них элементов, имеющих отношение не к греческой или скифской традициям, а к традиции общеиндоевропейской, относящейся, по меньшей мере, к временам греко-арийского единства. Во всяком случае, подтверждением данной мысли выступают сюжеты чернофигурной аттической вазописи, в которых Геракл представлен владельцем пароконной колесницы. Но самое главное заключается в том, что и сам Геракл имел такое же происхождение, как и его потомство, т.е. во всех сказаниях в качестве его “матери” присутствует речная нимфа как олицетворение нижнего сакраль-

ного мира. Насколько можно судить по эллинской версии мифа об этногенезе агафирсов, скифов и гелонов, эта общеиндоевропейская основа в полной мере в нем представлена. Кроме того, обращает на себя внимание то обстоятельство, что брачевание Геракла с дочерью реки Борисфена происходило по воле первой в лесистой местности, называемой Гилея (Glaia), название которой ассоциируется не только с именами его сыновей, но и с персонажем “дитя борозды”, связанного с жертвоприношением быка из упряжки на трижды вспаханном поле во времена празднества в честь божества-прототипа Диониса (Diod., IV, 50, 1; Apollod., I, 9, 16; Ap. Rhod., Argonaut., I, 232; Schol. Ad Od., XII, 70; Schol. Ad Apol. Rhod., I, 45; Tzetz., Schol. Ad Lycophr., 872)⁴⁵. При этом, согласно версиям, изложенным Аполлодором и Вергилием, жертвоприношение производилось у источника, носившего имя Gylas/Gelos, в связи с чем участники процессии, находясь в экстагическом состоянии, вызывали его появление скорбными воплями “Gyla, Gelo, Gyla!” (Apollod., I, 9, 19; Verg., Ecl., VI, 44 (68)).

Впрочем, Диодор называет супругом дочери р. Борисфена не Геракла, а самого Зевса, от которого появился только один божественный ребенок — Скиф (Diod., II, 43). По мнению М. В. Скржинской, миф о Геракле и змееногой богине, Зевсе и дочери реки Борисфена (по другой версии Танаиса) представляет собой отголоски греческого фольклора с включением в него скифских образов для решения задачи по обоснованию права греческих колонистов на земли в Северном Причерноморье⁴⁶. На наш взгляд, развитие такого рода сюжета отражало исключительно афинские политические (а возможно, и геополитические) интересы на Понте Эвксинском и в отношении скифского хинтерланда и, более того, как свидетельствуют отношения гегемона архэ по отношению к Эгейским союзникам, не являлось для Афин времени Перикла чем-то необычным⁴⁷.

В этой же связи нельзя пройти и мимо того, что согласно отдельным версиям мифа Геракл похитил коров у Гериона, правившего не где-то в Иберии и не на таинственном острове в Океане, а именно в Эпире, около Амбракии, где он, как полагал еще Гекатей Милетский, и совершал свои подвиги (Hecat. Mil. Fr. 26—27 Jac.) и где современной археологией вскрыты курганные погребения древнеямного типа, датирующиеся концом III — началом II тыс. до н.э., указывающими на приход какой-то части населения, имевшей отношение к древнеямной культурной общности в Фессалию, Эпир и Беотию⁴⁸.

Важным с точки зрения понимания происхождения Гелона является и то, что, как свидетельствует Дидодор, культ Геракла как бога впервые возник в Афинах и что одной из функций самого бога выступало основание династий (Diod., IV, 32)⁴⁹.

Сопоставление родословных Эллина и Гелона приводит к констатации факта о диаметральной противоположности их “таксономий”: первый — сын царя, второй — бога, и на этом основании сформулировать отрицательный вывод относительно их тождества. Однако такое заключение будет неполным, если не учесть, с одной стороны, того, что в мифологии греков был и древнейший Девкалион — сын Прометея и океаниды Климены, отражавший представления населения Фессалии⁵⁰, а с другой — если не обратиться к такому же сопоставлению имен Гелон и Гелен, последний из которых считался 7-м сыном царя Трои Приама от второго брака с Гекубой (Tzet., Schol. Ad Lycophr., 266). В античной традиции “портрет” данного персонажа представлен, практически, исчерпывающе. Гелен (Gelenos) — прорицатель, знающий, как и его сестра Кассандра, тайные оракулы (Apollod., III, 12, 6; Ovid., Ars am., XVI, 19), он — жрец Аполлона, поразивший в бою Ахилла (Hom., II, I, 10—15), он, как и его брат Эней, бежит из Трои к ахейцам и через посредство Неоптолема — сына Ахилла — женится на царице племени молоссов, став их царем (Apollod., Myth. Bibl. Epit., V, 12—13; Eustaph., Schol. Ad Od., III, 188). Однако и эти выявленные факты, указывают лишь на тождественность родословных Эллина и Гелена, но никак не Гелона. Единственное, что проступает за выявленными фактами, так это то, что Гелон, возможно имел отношение к древнейшему индоевропейскому божеству прадионисийского круга. И в этом следует искать возможность нахождения более точного суждения о Гелоне — эпониме и происхождении названия одноименного города в стране будинов.

Данные лингвистики и мифологии недвусмысленно указывают на отраженность в языке и общественном сознании Древней Греции древнейших связей с населением Восточной Европы вообще, лесостепного Подонья в частности. Существует взгляд, согласно которому все примеры греко-иранских и греко-западнофинских связей дают основание допускать, что некогда (скорее всего, во II тыс. до н.э.) какое-то эллинское племя осело в пограничной зоне между носителями индо-иранской и финно-угорской общностей⁵¹. Относительно места ее расположения называют район верховий меж-

дуречья Северского Донца и Оскола, куда, по мнению анонимного автора, были вытеснены “гелоны-праэллины-носители раннесрубной культуры, попавшие в окружение будинов-протомордовских племен и на пограничье с иранцами-гилянами (gilyani), с языка которых и было введено в язык эллинов переосмысленное Gelonos”⁵².

В отсутствие других, более выразительных данных последнее заставляет более внимательно относиться к цифровым выкладкам относительно расстояний, отделяющих будинов от Меотиды и от “моря в глубь страны”, поскольку только на таком основании, измерив на основании данных историка оба расстояния (вверх по Танаису и от моря (под которым Геродот, представивший соответствующую информацию, несомненно понимал Понт Эвксинский), можно определить в координатах расположения деревянного города эллинов в стране будинов.

Исходные расчетные величины расстояний и времени их преодоления таковы:

1) от угла Меотиды вверх по Танаису lakzis будинов начинается по окончании 15-дневного пути через lakzis савроматов;

2) от моря в глубь страны до меланхленов — 20 дней пути⁵³;

3) в сутки сухопутный и водный транспорт преодолевает 200 стадиев;

4) 1 день пешего пути — 150 стадиев (Herodot., V, 53)⁵⁴.

Приняв за основу (поскольку вопрос дебатруется в специальной литературе, равно как и надежность цифровых данных античного историка) среднеарифметическую величину стадия, мы получаем цифру 764—1063 км от моря до меланхленов и 525—573—580 км вверх по Танаису от угла Меотиды, т.е. примерно такое расстояние, которое в настоящее время существует между Ростовом—Таганрогом и Задонском—Ельцом в первом случае (500—680 км)⁵⁵ и между Николаевым—Одессой и Задонском—Ельцом (771—1063 км).

Принцип расчетов был следующим. В качестве исходных данных мы приняли указания Геродота о днях пути к будинам от угла Меотиды вверх по Танаису, т.е. 15 дней, и о пути к ним же, только от моря (т.е. от Понта Эвксинского) до граничащей с ними земли меланхленов, т.е. 20 дней. Точно так же, опираясь на свидетельства “отца истории” о расстояниях преодолеваемых в 1 день (как по суше, так и по рекам), за единицу измерения была избрана цифра 200 стадиев. Что касается величины одного стадия, то по причине невыясненности, каким

из них (аттическим или ионийским) пользовался историк, мы избрали его среднеарифметическую величину, или 36 км в сутки. Произведенные на основе уточненных данных подсчеты дали для расстояния от угла Меотиды величину в 540 км, а для расстояния до меланхленов 720 км, что, с учетом масштаба современных карт и протяженности территории, занимаемой меланхленами (т.е. от верховьев Северского Донца до точки окончания пути по Танаису—Дону), показало 360—380 км, т.е. весь путь составил в сумме около 1100 км. Сопоставление с километражем современных расстояний, равно как и с точкой, образованной пересечением окончаний двух путей Геродота к будинам на карте, указало на пограничье Среднего и Верхнего Дона, где и находятся названные выше географические пункты. В правомерности избранного подхода, по нашему мнению, не позволяют сомневаться как данные, отложившиеся в Скифском логосе (порядок перечисления меланхленов, будинов и гелонов) с уточняюще-подтверждающими корректировками Птолемея и Плиния (Ptol., III, 5, 22), так и установление в самое последнее время родства материальной и духовной культуры, отождествляемого с меланхленами — населения бассейна Северского Донца скифского времени с археологической культурой Среднего Дона того же периода. При этом важнее всего представляется то, что придонские города оказываются в точке пересечения векторов двух направлений путешествия к будинам по Геродоту. Иными словами, измерения по карте не оставляют сомнений в том, что будины и г. Гелон Геродота — объекты, располагающиеся в бассейне Среднего Дона.

Вывод является неожиданным, напоминая собой нечто вроде спекуляции, основанной на произвольно избранных точках отсчета. Поэтому закрадывается сомнение в его надежности, тем более, что в произведениях других античных авторов (за исключением Птолемея и Плиния Старшего) таких, как у Геродота, данных нет. И тем не менее, ситуация, как оказалось, не является безнадежной.

Внимательное прочтение древнерусских летописей обратило наше внимание на события, происходившие на Руси в 1116 году во времена правления князя Владимира Мономаха. В частности, в Никоновской, Воскресенской, Ипатьевской, Лаврентьевской и Троицкой летописях говорится о походе князя Ярополка в половецкую землю, к реке, называемой Дон, где он взял не только “полон многий”, но и три половецких города — Галин (Балин), Чешуев и Сугров⁵⁵. В данном сообщении

обращает внимание не столько поразительное сходство (хотя и фонетическое) названий геродотова Гелона и половецкого Галина, но и их расположение в одном и том же географическом районе — на Дону—Танаисе древних греков. И хотя из пяти летописей название Галин присутствует только в двух (Лаврентьевской и Троицкой; в других он назван Балин), вряд ли следует списывать существующие между ними расхождения на счет ошибки, допущенной составителями (или переписчиками) указанных летописей. Важнее другое: то, что летописи подтверждают долголетнее существование топонима, несмотря на изменения, которые к раннему Средневековью претерпела этнокультурная карта Восточной Европы. А это, с учетом идентичности корневых основ двух названий (*Gelon-os/*Gal-in-(os)*), позволяет надеяться, что направление поиска Гелона Геродота все-таки должно быть сужено до района, на который указывают русские летописи и подсчеты, произведенные автором настоящей статьи.

Где конкретно располагался Гелон/Галин при современном состоянии источников, сказать трудно, но выявленное отечественными историками-краеоведами соответствие названия половецкого Чешуева названию, преобразованному в 1779 году в г. Задонск села Тешевка на одноименной реке, левом притоке Дона, на правом берегу которого располагалось урочище и небольшое село Галичья гора, включающие в своем названии ту же корневую основу, кажется, придает уверенность в обоснованности предложенного нами решения⁵⁷.

¹ *Нейхардт А.А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.: 1982. С. 126—131.

² *Артамонов М.И.* Этногеография Скифии // Вестник ЛГУ. 1949. №85. Сер. ист. Наук. Вып. 13. С. 162; *Фабрициус И.В.* До питання про топонімію племен Скіфії // Археологія. 1951. Вип. 5. С. 50—80; *Граков Б.Н., Мелюкова А.И.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: 1954. С. 39—92; *Либеров П.Д.* Проблема Будинов и гелонов в свете новых археологических данных. М.: 1969. С. 5—26 (МИА. №151); *Пузикова А.И.* Поселения Среднего Дона. М.: 1969 (МИА. №151); *Граков Б.Н.* Скифы. М.: 1971; *Либеров П.Д.* К вопросу о гелонах Геродота // История и культура античного мира. М.: 1977. С. 100—101; *Рыбаков Б.А.* Геродотова Скифия. М.: 1989; *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII—IV вв. до н.э. Киев., 1983. С. 336—355; мн.

³ *Либеров П.Д.* Проблема. С. 22—26; *Шрамко Б.А.* Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелоно-будинская проблема // СА. 1975. № 1. С. 120.

⁴ *Шрамко Б.А.* Некоторые итоги. С. 121—122; *Он же.* Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон // Скифский мир. Киев, 1975. С. 94—132.

⁵ Ильинская В.А. Могло ли Бельское городище быть геродотовым Гелоном // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 73—95; Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987. С. 10—32.

⁶ Медведев А.П. Ольвийские торговые пути и степень достоверности этногеографической информации Геродота // Археология. 1997. №4. С. 24—29.

⁷ Скржинская М.В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев., 1991. С. 102—112; Раевский Д.С. К толкованию числовых данных в древних исторических свидетельствах // Живая Старина. 1997. № 3. С. 18—20; Hartog F. The mirror of Herodotus. Cambridge, 1967. P. 72—92; Rollinger R. Herodots Babylonischer Logos. Innsbruck, 1993. S. 183—189; Strassburger H. Herodots Zeitrechnung // Herodot. Eine Auswahl aus der neueren Forschungen. Darmstadt, 1982. S. 688—736.

⁸ Медведев А.П. Гелон Геродота: К проблеме соотношения античного нарратива и историко-археологической традиции // Медведев А.П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии. Воронеж, 2004. С. 85—86.

⁹ Рыбаков Б.А. Указ. Соч. С. 153—155; Мурзин В., Ролле Р., Супруненко О. Більське городище. Київ-Полтава, 1999. С. 70—77; Медведев А.П. Гелон Геродота: к проблеме соотношения античного нарратива и историко-археологических реалий // Античный мир и археология. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 131—140; Он же. Исследования по археологии и истории лесостепной Скифии. Воронеж, 2004. С. 82—90 (тот же доклад автора 2000 года в переработанном виде. — Н.П.)

¹⁰ Tomaschek L. Budini // PWRE. 1897. Bd. 5. Coll. 990; Hermann K. Tanais // PWRE. 1932. Bd. 20. Coll. 2162; Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в “Истории” Геродота. Л.: 1982. С. 292—293. Прим. 75; Рыбаков Б.А. Указ. Соч. С. 27—28; Яйленко В.П. К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии // СЭ. 1983. №1. С. 57 (карта), 64; Проблема отождествления Танаиса с Доном впервые была поставлена Г. Байером в 1728 г., а с конца XIX в. достаточно крепко утвердилось в исторической науке. Несмотря на это, в ней время от времени появляются трактовки, характеризующиеся стремлением представить Танаис как комбинацию течения нижнего течения Дона либо с его правым притоком — Северским Донцом (Ф. Хадсон, М. И. Артамонов, Д. А. Мачинский, Б. А. Рыбаков), либо с течением Волги, начиная от места наибольшего сближения последней с Доном (К. Маннерт, А. Хансен, Р. Хенниг). См.: Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в “Истории” Геродота. Л.: 1982. С. 300, прим. 396. Если оставить в стороне Каспийско-Черноморское междуморье, куда, отождествляя р. Фасис с Танаисом, также размещали будинов и гелонов (Ельницкий Л.А. Скифия Евразийских степей. Новосибирск, 1977. С. 145), то самой периферийной областью их обитания было названо междуречье Окса и Яксарта. См.: Куклина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л.: 1986. С. 60. В самое последнее время В. Г. Зубаревым и Р. Исмагилом вновь предприняты попытки отождествления Танаиса с Северским Донцом и с Волгой. См.: Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: 2005. С. 321; Исмагил Р. Танаис Геродота: Дон или Волга? // Ватандаш. 2006. №5. С. 23. Мы придерживаемся традиционной точки зрения. См.: Медведев А.П. Река Танаис в системе историко-археологических реалий скифского времени // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. 2. Новочеркасск 1993. С. 127—137.

¹¹ Подосинов А.В. Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: 1999. С. 224—227; Впрочем, в

самое последнее время вновь предпринята попытка реанимации точки зрения о Танаисе как Северском Донце. См.: Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по античным письменным источникам. СПб., 2005.

¹² Петренко В.Г. Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: 1989. С. 67—81; Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант). Киев, 2000; Березуцкий В.Д. Курганы скифского времени лесостепного Дона. Воронеж, 1995; Он же. Курганы скифского времени у села Ближнее Стояново // Археологические исследования высшей педагогической школы. Воронеж, 1996. С. 162—180; Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история) I тысячелетия до н.э.). М.: 1999; Он же. Комплекс памятников скифского времени у с. Волошино // Вторая Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. науч. конф. Краснодар, 1993. С. 67—68; Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев, 1989; Они же. К истории взаимоотношений населения степи и лесостепи в V—IV вв. до н.э. // Киммерийцы и скифы. Мелитополь, 1992. С. 85—89; Моруженко А.А. Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время // СА. 1989. № 1. С. 35—47; Мурзин В.Ю., Ролле Р. Скiфські міста у лесостепу // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996. С. 181—182; Гавриш П.Я. Племена скіфського часу в лісостепу Дніпривського Лівобережжя (за матеріалам Припiлля). Полтава, 2000.

¹³ Для Геродота характерно различие в определении территории, занимаемой будинами, для которой он использует термин *ge* (земля) в географическом и *hoga* (хозяйственно освоенное пространство) в историко-этнографическом контексте. Ср.: Herodot., IV, 20; 119; 122; 123. Чаще же всего, как свидетельствуют, в частности, характеристики невра и андрофагов он в термин *hoga* вставляет понимание “страна”. Причина этого требует специального рассмотрения. Скржинская М.В. Древнегреческий фольклор. С. 108—110.

¹⁴ Aly W. Volksmorchen Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Gottingen, 1921. S. 74; Bischoff H. Perieget // PWRE. Bd. 79. Stuttgart, 1937. Coll. 726—727; Gisinger F. Periplus // Ibid. Coll. 839—850. Исследования производились также в связи с экономической и политической необходимостью. Так, до начала Греко-Персидских войн, по приказу Дария I к берегам Европы была отправлена экспедиция в составе двух триер и торгового судна из Сидона, которую возглавил Демокед из Кротона, целью которой была поставлена разведка побережий Греции и Италии (Herodot., III, 135—138) / О другой экспедиции, под руководством Ариарамна, на этот раз к берегам Северного Причерноморья, сообщает Ктесий (Ctes., Pers., 16).

¹⁵ Aly W. Op. Cit. S. 75.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Скржинская М.В. Древнегреческий фольклор. С. 109.

¹⁸ В справедливости предложенных рассуждений позволяют убедиться измерения, присутствующие у Страбона относительно судоходности Борисфена и Гипаниса (Strab., VII, 3, 17). Кнорринг В.Г. Очерки общей теории измерений. 3. Теория и философия измерений в Древней Греции // Клио. 2005. № 3 (30). С. 173—177; Hockmann O. Roman river patrols and military logistics on the Rhine and the Danube // Military aspects of Scandinavian Society in a European Perspective, A.D. 1—1300. Copenhagen, 1997. P. 239—247.

¹⁹ Блаватская Т.В. Черты истории государственности Эллады (XII—VII вв. до н.э.). СПб., 2003. С. 21—94.

²⁰ Гиндин Л.А. Членение скифских племен по данным лингво-филологического анализа (Геродот, кн. IV) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М.: 1984. С. 37.

²¹ Там же. С. 38.

²² Там же. С. 41—42.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 43.

²⁵ См.: например: Ker J. Solon's Theoria and the End of City // Classical Antiquity. 1999. Vol. 19. № 2. P. 304—329.

²⁶ Андреев Ю.В. Островные поселения Эгеиды III тыс. до н.э. Л.: 1989; Он же. От Евразии к Европе. СПб., 2000.

²⁷ Там же.

²⁸ Dickinson O. The Aegean Bronze Age. Cambridge, 1994. P. 199. Branigan K., Worren P.M. Crete: 3000—1400 B.C. immigration and Archaeological sources // British-American Archaeologist. 1998. P. 41; Нельзя исключать и того, что развитие могло пойти по пути, который выявил для Ольвии А. В. Буйских. См.: Буйских А.В. Некоторые полемические заметки по поводу становления и развития Борисфена и Ольвии в VI в. до н.э. // ВДИ. 2005. №2. С. 164.

²⁹ Медведев А.П. Античная традиция и археологические реалии скифского времени на Среднем и Верхнем Дону (проблема этнокультурной интерпретации) // ВДИ. 2002. № 3. С. 157; Березуцкий В.Д. “Скифы на Среднем Дону” и некоторые вопросы интерпретации археологических источников // ВДИ. 2002. №4. С. 139—140.

³⁰ Antony D. The Archaeology of Indo-European origin // Journ. Of Indo-Europ. Stud. Vol. 19. 1991. P. 193—222; Drews R. The Coming of the Greeks. Princeton. P. 62—86; Мэллори Дж.П. Индоевропейские прародины // ВДИ. 1997. №1. С. 61—82.

³¹ Кошеленко Г.А. Новые исследования античной цивилизации // Вестник Росс. Гуманит. Науч. фонда. М.: 1999. № 3. С. 28—36; Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: 2002; Он же. Античная философия истории. СПб., 2000. С.106.

³² Писаревский Н.П. Гелоны Геродота: этнос, социум или фикция античного историка? // Этнография Центрального Черноземья России. Вып. 5. Воронеж, 2006. С.4—15; Он же. Top arhaion Hellenon Гелона (к интерпретации Herod., IV, 108) и Он же. Празднество в честь Диониса в г. Гелон вверх по Танаису выше савроматов (обе в печати).

³³ По мнению Г. Крае, к началу II тыс. до н.э. греческий, индийский и хеттский языки известны, тогда как латинский, оскский, умбрский, кельтский, иллирийский, германский и балтийский еще не обособились и существовали как не вполне сформировавшиеся языки. См.: Krahe. Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954. S. 22—29; Более того, представляется также важной мысль В. И. Абаева, согласно которой в середине того же тысячелетия вся индоевропейская общность была кентумной и что первая, сатемная, палатализация не была ни синхронной, ни взаимосвязанной во всех языках satem. См.: Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М.:1965. С.141.

³⁴ Minns E.H. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. P. 105; Powell J.E. Lexikon to Herodotus. Heidelberg, 1966. P. 316; Высказывалось также мнение, что созвучие этнонима Gelonoi с Hellenes также есть искусственный образ. См.: Медведев А.П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии. Воронеж, 2004. С. 86.

³⁵ Граков Б.Н. Скифы. М.: 1971. С. 163.

³⁶ См.: Галлямов С. Философские основы индо-арийского мифа о растерзании и расчленении космического быка: Гавмард—Минотавр—Дьяус—Зевс // Галлямов С. Основы Башкортостанской индо-германской философии. Эстетика. Т. 4. Башкортостан. Уфа: НМ РБ, 2002 ([http://www. Bashkurd.Narod. Ru/aesthetics19.html](http://www.Bashkurd.Narod.Ru/aesthetics19.html)).

³⁷ Как бы не относиться к высказанной точке зрения автора данной концепции, его рассуждение, согласно которому иллирийско-эпирские племена, обитавшие в Эпире дали греческим племенам свое имя Hellenes вполне соответствует данным античной традиции (в частности, Платон оставил предание, согласно которому по возвращении из-под Илиона ахейцы-Гераклиды, поскольку их возглавил Доризэй, стали называться дорийцами (Plato., Res., III, 622e) и новейшим разработкам в археологии и истории Древней Греции. См.: Хэммонд Н. История Древней Греции. М.: 2003. С. 44—53; Hammond N.G.L. Ancient Epirus. Prehistory and Protohistory // Epirus. 4000 years of Greek History and Civilization / Gen. Edit. M. B. Sakellariou. Athens, 1997. P. 35—45.

³⁸ Галлямов С. Философские аспекты индо-арийского мифа о растерзании и расчленении Космического быка // [http://www. Bashkurd.Narod.Ru/aesthetics9.html](http://www.Bashkurd.Narod.Ru/aesthetics9.html). Кроме того, по мнению автора в пользу такого “расклада” свидетельствует общее обозначение бога Ариев-индоевропейцев — Dios (Там же).

³⁹ Латышев В.В. Известия древнегреческих и латинских авторов о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 2. С. 293. Это последнее вполне вписывается в представления археологов и лингвистов относительно исторических судеб арийской общности в Восточной Европе, олицетворением которой выступают памятники древнейшей культурной общности. См.: Клейн Л.С. Индоарии и скифский мир: общие истоки идеологии // НАА. 1987. № 5. С. 94—95.

⁴⁰ Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. М.: 1965. С. 37—41; Дадашев М.П. К этимологии индоевропейских слов *gel(e)-do-to-, *mazdo- // Этимология 1968. М.: 1971. С. 221; Топоров В.Н. Из индоевропейской этимологии II(1—3). 3. *Spart- в индоевропейских языках // Этимология 1980. М.: 1982. С. 150—157.

⁴¹ Tumpel K. Gelon // PWRE. Bd. 5. Coll. 1007. Данному аспекту — трактовке Гелона как урбанистического центра мы намереваемся посвятить специальную работу. Сейчас же, забегая вперед, опираясь на наблюдения А. Хойбека, имеется возможность для высказывания предположения, что полис Гелон в контексте наррации Геродота тождественен тому, какой смысл вкладывал Гомер, характеризуя киммерийцев “Илиады” как *demos te polis* (Hom., II., XI, 14—16) и какой современные специалисты вкладывают в понятия “племя-государство” и “вождество”. См.: Heuibeck A. Kimmerioi // Hermes. 1963. Bd. 91. H. 4. S. 490; Luce J.V. The Poleis in Homer and Hesiod. Dublin, 1978. P. 142.

⁴² Грейвз Р. Мифы Древней Греции. М.: 1992. С. 121.

⁴³ Там же. С. 119.

⁴⁴ Этому аспекту — религиозному празднеству в честь Диониса в г. Гелоне, совершаемому будинами, нами посвящена специальная статья, находящаяся в печати (см. выше).

⁴⁵ Скржинская М.В. Древнегреческий фольклор. С. 20.

⁴⁶ Карпюк С.Г. Политическая география классических Афин: Фукидид и его современники об островах и островитянах // ВДИ. 2005. № 4. С. 27—40.

⁴⁷ Gimbutas M. The Kurgan Wave № 2 (c. 3400—3200 B. C. into Europe and the Following transformation of Culture // Journ. Of Indo-Europ. Stud. Vol. 8. 1980. P. 273—315; Hammond N.G.L. Epirus. Athens, 1997. P. 307—309.

⁴⁸ Zwicker A. Heracles // PWRE. Hbhd. 5. Coll. 516—520.

⁴⁹ Tumpel K. Deukalion // PWRE. Bd.5. Coll. 262—263, 264—275. При этом, являясь древнейшим, оно было широко распространено от Крита до Афин и Этолии.

⁵⁰ Иванов Вяч. Вс. Индо-хеттский, индо-уральский, ностратический, евразийский // Евразийское пространство: звук и слово. М.: 2000. С. 1—14; Чердиченко Н.Н. Бессарабский клад. Киев, 1986. С. 74; Он же. Срубная культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986. С. 8; Кузьмина Е.Е. Финно-угры и индоиранцы: динамика культурных связей // Балкано-славянское языкознание. Ч. 2. М.: 1990. С. 64; См. также сайт Alterlingva // <http://Alterling.narod.ru/CilaRusD.doc>. Неизвестный автор, разместивший на нем главы из своей работы, считая невозможным возвращение ахейцев из Греции в Северное Причерноморье после крушения микенской цивилизации, исходя из гипотезы о тождестве идеи конструкции погребальных сооружений в Греции и Степных областях Восточной Европы времени ахейской и срубной культур, развивает мысль о том, что это последнее выступает свидетельством нахождения на территории Восточной Европы праэллинского племени до его переселения на Балканы, иными словами, до XV в. до н.э. (Там же). Вырванная из контекста, данная идея автора, исходящая из предположения о восхождении микенских купольных гробниц и ям со срубами к общему прототипу, с учетом передатировки ахейских усыпальниц в сторону удревнения, может стать плодотворной. См.: Веллас Г.Я., Писаревский Н.П. Скотоводы степи и лесостепи Восточной Европы, доантичный Эпир, эллины и Эллада. Воронеж, 2001.

⁵¹ <http://Alterling.narod.ru>. С. 7—8.

⁵² Учет этого пути в последнее время приобретает особую актуальность в связи с установлением тождества материальной культуры и погребального обряда населения Среднего Дона и Северского Донца в скифское время. См.: Медведев А.П. Новый аспект этногеографии Древней Скифии (меланхлены и будины) // Исторические записки. Вып. 11. Воронеж, 2005. С. 92—103.

⁵³ Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в “Истории” Геродота. Л.: 1982. С. 236, прим. 212—213.

⁵⁴ К такому же выводу приходит и Р. Исмагил, правда, ведя отсчет от Каспийского моря в сторону Предуралья. См.: Исмагил Р. Танаис Геродота: Дон или Волга? // Ватандаш. 2006. №5. С. 24.

⁵⁵ Полное собрание русских летописей .Т. I. Воскресенская летопись. М.: 1856. С. 24; Там же. Ипатьевская летопись. М.: 1843. С. 7—8; См. также: Полное собрание русских летописей. N/L. V/?1962/C/291; Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.: 1956. С. 207.

⁵⁶ Прохоров В.А. Топонимия Дона // Долина Дона: природа и ландшафты / Под ред. Ф.Н. Милькова. Воронеж, 1982. С. 136. На донской бассейн указывает и этимология названия реки Оар, упоминаемой Геродотом среди трех других, которые из области фиссагетов протекают по земле будинов (Herodot., IV, 123). По данным “отца истории” эта река расположена перед пустыней до фиссагетов (ερί ποταμοί οαγοί τον ετι...τα εγεiria soa gen.). В переводе с др.-греч. ее наименование означает “супруга” и находит тождество в инд.-ар. Pati-dana с тем же значением. Что касается двух других—Лика и Сиргиса, то в их отношении уже достаточно давно приобрело устойчивость отождествление первой с р. Медведицей, а второй — с р. Чир или Северским Донцом. См.: Munzel R. Tanais // PWRE. Bd. 20. Coll. 2162—2166; Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М.: 1979. Мнение о соответствии Танаиса Дону, было выдвинуто впервые Г. Байером в 1728 г., а с конца XIX в. достаточно крепко утвердилось в науке. Несмотря на это в ней время от времени появляются трактовки, характеризующиеся стремлением представить Танаис как комбинацию нижнего течения Дона либо с его правым притоком — Северским Донцом (Ф. Хадсон, М. И. Артамонов, Д. А. Мачинский, Б. А. Рыбаков), либо с течением Волги, начиная от места наибольшего сближения последней с Доном (К. Маннерт, А. Хансен, Р. Хенниг). См.: Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в “Истории” Геродота. Л.: 1982. С. 300, прим. 396; Если оставить в стороне Каспийско-Черноморское междуморье, куда, отождествляя р. Фасис с Танаисом, также размещали будинов и гелонов (Ельницкий Л.А. Скифия Евразийских степей. Новосибирск, 1977. С. 145), то самой периферийной областью их обитания было названо междуречье Окса и Яксарта. См.: Кукулина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л.: 1986. С. 60; В самое последнее время Р. Исмагилом вновь предпринята попытка отождествления Танаиса с Волгой // Ватандаш. 2006. № 5. С. 23; Мы придерживаемся традиционной точки зрения. См.: Медведев А.П. Река Танаис в системе историко-археологических реалий скифского времени // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. 2. Новочеркасск, 1993. С. 127—137. Что касается возможности отождествления Гелона с названием города Елец, то в его пользу, как нам представляется, свидетельствует одна из возможных этимологий самого этнонима Hellenes/gelonos, согласно которой, как уже отмечалось, в нем нашло отображение название дерева сосновой породы (сосны или ели). В этой связи обращает на себя внимание то, что г. Елец расположен на р. Сосна, являющейся и по настоящее время притоком Дона, название которой выступает калькой и.-e. elle — корневой основы, воплотившейся в этнониме Hellenes.